

«Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения)

В статье анализируются эпистолярное наследие и научные труды академика Ф.И. Буслаева с точки зрения образа автора. Его интонации, символы, ключевые слова, педагогические и лингвистические приемы работы с текстом характеризуют ученого как яркую языковую личность со своими нравственными принципами и приверженностью национальным традициям в духе славянофильства. Подчеркивается, что наследие Ф.И. Буслаева проникнуто стихией народного духа и мифотворчества, в которой ученый находит выражение лучших свойств характера наших предков. В работе представлены и охарактеризованы основные перекрестки языковой личности Ф.И. Буслаева на материале его произведений народно-поэтического, литературоведческого, лингвистического и духовно-эстетического циклов. Отмечаются языковые особенности «Воспоминаний» ученого. В них с наибольшей силой выразился писательский талант творца филологии духа.

Ключевые слова: *филология; стилистика; народный эпос; языковая личность; когнитивная лингвистика; авторский текст; язык и культура; методология филологических исследований.*

Oleg V. Nikitin

«Philology of Spirit». Fedor Ivanovich Buslaev as Linguistic Persona (For 200th Anniversary of the Birth).

The epistolary heritage and scientific works by the academician F.I. Buslaev is analyzed in relation of author's image. His intonations, symbols, key words, pedagogical and linguistic procedures of the work with the text characterizes the scientist as the vivid linguistic persona with own moral principles and traditionalism in the mould of Slavophilism. It is marked that F.I. Buslaev's heritage is full with national genius power and mythogenesis in which he finds out the expression of the best characteristics of our ancestry. The article presents and characterizes the general constants of F.I. Buslaev's linguistic persona as exemplified in folk-poetic, literary, linguistic and moral and aesthetic cycles. The language special aspects of "Vospominaniya" by the scientist are reported. His talent for writing is expressed in this work most of all.

Key words: *philology; stylistics; national epos; linguistic persona; cognitive linguistics; author text; language and culture; philological investigations methodology.*

В исторических картинах прошлого есть события и лица такой величины, что возносит их на пьедестал славы подлинных

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор.

E-mail: olnikitin@yandex.ru

ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»

ул. Радио, д. 10А, Москва, 105005, Россия

Moscow State Region University

10A Radio Str., Moscow, 105005, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2018. – № . – С. 79–86. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-79-86.

героев, не просто вместивших в свои биографии яркие научные открытия и значимые достижения, но первенствовавших среди великих мыслителей своего времени. Их живой свет до сих пор озаряет дорогу в словесное искусство и показывает истинные ценности гуманизма.

Филологией духа пронизано всё творческое наследие Ф.И. Буслаева (1818–1897), вобравшее лучшие традиции историков, этнологов, педагогов, искусствоведов и языковедов XIX в., когда и происходило формирование национальной словесности как науки — выразительницы духа, народной культуры, верований и творческих исканий славистов, поднимавших стяг знания языка над серостью и косностью отсталых идей,

над «полицейскими законами» обучения и проносивших его с достоинством, несмотря ни на какие лишения и либеральные взрывы «прогрессивной» интеллигенции.

Облик Ф.И. Буслаева как представителя своего поколения в чем-то, безусловно, и традиционен: с гимназических лет он воспитывался в духе философской грамматики и четких логических схем ученической муштры, а затем, воспротивившись, создал иную систему филологического образования высокодуховной личности, вложив в свой первый и главный методико-лингвистический труд «О преподавании отечественного языка» (1844) и современный ему западный опыт, и прогрессивные идеи сравнительно-исторического языкознания, и личные интересы — романтику души, влечение к народному мифотворчеству, старине, без которой невозможно воспитать живого наследника племени россов, понимающего и ценящего родное слово.

Первый «перекресток» языковой личности Ф.И. Буслаева как раз и находится в области его педагогических экспериментов, гравировавших имя ученого как создателя, мыслителя, «сочувственника» и мудрого наставника детских душ.

В период написания книги «О преподавании отечественного языка» в обществе не было единства: по какому пути должно идти обучение — по «реалистическому» или «гуманистическому»? Эти споры Ф.И. Буслаев показал на страницах своего сочинения. В самом широком смысле два направления разнились целями воспитания и преподавания: у одних польза знаний — главный аргумент, у других — образование духа. Вот как писал ученый об этом:

Учи детей предметам, а не словам; начиная образованием, нужным для света: для высших идей ученик еще не созрел. Гуманисты: начиная идеями и словом как выражением идей; образуй ученика для высшего мира духовного: для здешней жизни научит его сама жизнь (цит. по изд.: [Буслаев 1867: 23]).

На протяжении всего повествования Ф.И. Буслаев призывал задуматься над тем, что «учитель отечественного языка оказывает самое сильное влияние на нравственное направление ученика» [Там же: 176]. Он говорил о необходимости приобщения к лучшим образцам отеческого наследия: Несторовой летописи, «Слову о полку Игореве» и другим памятникам (см.

о вкладе ученого в лингвистическое источниковедение: [Никитин 2004]), и особое внимание уделял чтению текстов.

В филологии духа Ф.И. Буслаева возникает новая наука — стилистика, которая до того времени почти никак не применялась в учебных целях. Под ней он разумел всё словесное пространство, которое охватывает мир народной культуры и его язык: архаизмы, варваризмы, провинциализмы [Там же: 309]. Ф.И. Буслаев знакомил детей с таким интереснейшим разделом науки о языке, как ономастика. Ученый говорил о впечатлениях от речевого выражения, подчеркивал важность восстановления «первобытного смысла» для того, чтобы «возобновлять в душе своей творчество первоначального языка» [Там же: 313]. Используя современную научную терминологию, можно сказать, что автор знакомил учеников с картиной мира — концептосферой, куда включал такие понятия, как «вещь», «мир», «душа», «искусство», «наука», «право», «вера», «судьба» и др. Их лингвокультурологическому разбору были посвящены отдельные разделы этой книги. Главным для Ф.И. Буслаева является проникновение в семантику логоса, постижение внутренних связей и природного генезиса слова, его символики. Он приводил показательный пример:

Для выражения познавательной способности и действий ее мы употребляем слова: *ум, разум, рассудок, суждение, понятие, мысль* и др. Отличие ума от разума особенно заметно в прилагательных и глаголах: *умный* может быть и зверь, *уметь* может и зверь; но быть *разумным* и *разуметь* не может. *Умение* бывает и механическое, от навыку: *разумение* предполагает познание того, что делаешь. Можно *уметь* что-нибудь делать и *не разуметь*, почему так делаешь. Отсюда видно превосходство *разума* (*vernunft*) над *умом* (*verstand*); потому пословицы: *ум без разума беда, ум за разум зашел*. Так как обе эти способности в человеке соединяются, потому и язык наш соединяет оба эти слова в выражении *ум-разум* [Там же: 321].

В народном языке он отмечал такие явления, как тавтология, эллипсис, повторение, и впервые говорил о фразеологии. Эти «фигурные выражения», как полагал ученый, позволяют воспитать у ученика «разборчивое чутье к русской речи» [Там же: 344].

Не случайно вторая часть книги «О преподавании отечественного языка», куда Ф.И. Буслаев включил материалы для грамматики и стилистики, вызвала такой

сочувственный отклик академика А.А. Шахматова: «...из всего написанного о русском языке я не читал ничего более интересного, более живого и талантливое этого ядра Исторической грамматики Буслаева» [Шахматов 1898: 9].

Народный язык, его история, классическая поэзия и проза русских литераторов XVIII–XIX вв. Ломоносова, Державина, Крылова, Грибоедова, Пушкина вдохновляли филологические поиски Ф.И. Буслаева и направляли их в область настоящей педагогики: взросления, духовно, нравственно и словесно обогащали учеников, воспитывали в них живую сопричастность родной истории и понимание культурной традиции словотворчества как искусства и дара Божьего.

Второе проявление филологического облика Ф.И. Буслаева — его неподдельный интерес к истокам народной культуры и древнерусской словесности, из которой он особенно выделил «стихотканье»: «Только поэзия имеет средства изображать человека во всех подробностях и случайных обстоятельствах его быта; только искусство умеет соединить интерес к мелочам жизни с высокими стремлениями души» [Буслаев 1852: 3]. Он был внимателен к эстетике языка прошлого родной земли. Вот, вышли русские стихотворения «оксфордского бакалавра» Ричарда Джемса, записанные «по горячим следам», и Ф.И. Буслаев тут же откликается на них научным исследованием о поэзии XVIII в., называя их драгоценными памятниками русского языка [Там же: 2].

Он обращает внимание на «Домострой» как своего рода учебник жизни, наставляющий детей и вразумляющий их благочестивым опытом старины. Но там ученый не находит поэзии и устремляет свои поиски к тем образцам эпической деятельности, которые вроде бы находились на периферии официальной традиции, даже порицались ревнителями веры за «неверное» язычество, но жили в памяти народа: праздники с песнями и хороводами, свадебные обряды, похороны, чернокнижие, чародейство, заговоры и нашептывания, приметы. «Воспитанная язычеством и поддерживаемая суеверием, русская поэзия была темной стороной жизни наших предков в XVI и XVII столетиях», — писал Ф.И. Буслаев [Там же: 22]. Но в этом заключалась ее мифологическая основа, уходившая своими корнями в глубокую древность. В этом он видел живой дух народа, его симпатии

и историческую память и восхищался такими «отреченными» стихами, как уникальными по художественной форме и языку произведениями искусства. Разбирая «джемсовы песни», Ф.И. Буслаев прославляет безыскусственный эпос, поднимает способности необразованного простолюдина над обычными суевериями и вводит его в храм словесности! Для академической науки того времени это был смелый шаг.

В речи «О народной поэзии в древнерусской литературе», произнесенной в Торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1859 г., Ф.И. Буслаев еще определеннее высказывается о ценности таких источников «для истории возвышенной христианской поэзии древней Руси» [Буслаев 1859: 42]. В своем языковом и интеллектуальном сознании ученый включается в «ментальный образ мира» того времени, ищет и находит его ключевые события, открыто говорит «о тесной связи древнерусской поэзии с искусствами образовательными» [Там же: 45]. Для филологического зрения Ф.И. Буслаева здесь важен и другой акцент: «...изучая древнюю Русь, исследователь яснее понимает и современное нам нравственное состояние русского народа, точно так же, как изучение устной народной поэзии нечувствительно вводит нас в художественный мир древней Руси» [Там же: 50].

В речевом портрете Ф.И. Буслаева отчетливо проступали славянофильские черты, а его увлеченность древним мифотворчеством выразилась в использовании отвлеченных элементов высокого слога: «деятельное начало» [Буслаев 1852: 22], «с христианскими понятиями» [Там же: 23], «проблески христианской набожности» [Там же: 24], «увлекается красноречивым негодованием» [Там же: 26], «с благочестивыми требованиями» [Там же: 33], «обременительные для памяти» [Там же: 47] и т.д. Часто Ф.И. Буслаев обращается к общепhilософскому термину «эстетика», который он соотносит с народным творчеством, как бы показывая этим глубину и красоту древних мифологических представлений, например, это выразилось в сочетаниях: «эстетическому развитию той эпохи» [Там же: 25], «с глубоким эстетическим тактом» [Там же: 57].

На пути проникновения в историческое прошлое слово для Ф.И. Буслаева играло первостепенную роль. Оно — и миф,

и поэзия, и наука, и искусство. И дело даже не в том, что он всегда восторгался Гриммовской школой. Ее методика была своего рода инструментом для познания духовной традиции народа. Ф.И. Буслаев видел в мифотворчестве «необразованного» люда отголоски культурных, этнических и языковых переплетений старины и поднял этот безличностный миф до уровня высокого художественного творчества и талантливого языкотворчества. Везде в нем главным мерилом являлось слово как живой родник мысли, побуждений, верований, как «глас народа». Замечательно выказанное им в статье «Эпическая поэзия» отношение к доисторическому периоду языка, в котором он ясно чувствовал подлинную речь разумного существа, богатую своими оттенками смыслов, метафорами, поговорками, «минутными движениями сердца»:

...происхождение языка есть первая, самая решительная и блистательная попытка человеческого творчества. Слово — не условный знак для выражения мысли, но художественный образ, вызванный живейшим ощущением, которое природа и жизнь в человеке возбудили. Творчество народной фантазии непосредственно переходит от языка к поэзии. Религия есть та господствующая сила, которая дает самый решительный толчок этому творчеству, и древнейшие мифы, сопровождаемые обрядами, стоят на пути созидания языка и поэзии, объемлющей в себе все духовные интересы народа [Буслаев 1861: 1–2].

Совершенно особенным филологическим колоритом обладает курс лекций по истории русской литературы, читанный его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу в 1859–1860 гг. В нем Ф.И. Буслаев не только показал высоту духа просвещения, но и представил обстоятельный анализ редких памятников письменности, включил их в контекст истории и культуры народа, в образовательную систему — «чтобы своими личными взглядами и соображениями» не нарушить «полноты и свежести впечатления» [Буслаев 1904: 5]. Лекции — это авторские этюды ученого, в которых проявилось его мастерство как педагога и служителя филологии, откликавшегося на перспективные идеи и направления того времени. Удивительно во второй лекции читать об индоевропейских народах, сравнительном изучении языков и «самой точной», по выражению Ф.И. Буслаева [Там

же: 14], сравнительной грамматике, убедившей ученого в том, что «языки всех этих (германцев, кельтов, индийцев и т.д. — О.Н.) народов суть не что иное, как ветви или наречия одного общего им целого <...>. Родство их обозначается не только в склонениях и спряжениях, особенно в местоимениях, именах числительных, но и во многих словах, имеющих бытовое и семейное значение» [Там же: 14–15]. Ф.И. Буслаев внушал своему ученику, что язык — это не только «выражение мыслей и представлений говорящего», но и мир «идей и представлений» [Там же]. Автор знакомил наследника с именами ведущих компаративистов XIX в.: М. Мюллера, В. и Я. Гриммов, П. Шафарика и др., включая таким образом сам предмет в русло мировой традиции сравнительного исследования истории, этнографии, литературы, языка. Он подчеркивал: «С тех пор оказалось уже невозможным изучение русской словесности и вообще народности и старины независимо от родственных нам славянских племен» [Там же: 19].

Показательно в лекциях Ф.И. Буслаева вдохновенное восхищение славянскими наречиями и определение древнего церковнославянского языка. Это — «не что иное, как одно из местных наречий племени болгарского, ранее прочих подвергшееся литературной обработке трудами христианских славян, живших вместе с греками, и потому усвоивших себе все плоды тогдашней их образованности» [Там же: 24].

Филологический дух Ф.И. Буслаева поднимается высь от сербских песен, древних историко-поэтических сказаний и басен, народных фантазий, в которых он подчеркивал элементы национальной идентичности, говорил о высокой нравственной силе и смысле таких произведений. От древностей немецкого эпоса и западнославянских «штудий» Ф.И. Буслаев снова переходит к излюбленному вопросу «эпического быта» русской обрядовой поэзии, выделяя в ней ключевые понятия-символы: «рождение», «женитьба» и «смерть» [Там же: 88]. Можно сказать, что ученый стоял у истоков когнитивного изучения мировоззрения древних народов, выраженных в художественном слове. Он подробно разбирал каждый этап человеческой жизни, включая в такую историко-культурную летопись мифологические представления о «роде-племени», об «умыканье», «игрищах» и «хороводах», «вене»

(т. е. плате за невесту), «кладных деньгах» (условная плата жениха и свекра невесте») и т.д. [Там же: 101–103]. Ф.И. Буслаев — мастер создания лингвокультурного портрета эпохи, в котором перекликаются старинные речения, вобравшие символику языческих верований, например: «свадьба без див не бывает» — говорит русская пословица, то есть без демонических чарований» [Там же: 107], а семантика обычного слова выходит за пределы канонического текста и разрастается до семиотического пространства вселенной народных представлений: так, он объяснял символическое значение «каши», «воды» и «огня», «сапога».

Эта филологическая стихия духа, судя даже по напечатанным лекциям, не только захватила Ф.И. Буслаева как проницательного литературоведа, но проявила в нем и лингвистические свойства характера ученого: строгий историзм и компаративизм при изучении любых аспектов народного эпоса, просвещенческая направленность художественных текстов, широкие семасиологические обобщения и отличное знание старинных устных и письменных славянских поэтических традиций и юридическое быта Древней Руси.

Третий аспект языковой личности Ф.И. Буслаева можно увидеть при чтении его главных лингвистических трудов: магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» [Буслаев 1848] и фундаментального учебника «Опыт исторической грамматики русского языка» [Буслаев 1858а; 1858б].

В первой работе ученый вслед за А.Х. Востоковым, опубликовавшим в 1843 г. научное издание Остромирова Евангелия, выступил последовательным компаративистом и дал тщательный разбор культурно-исторических реалий быта нашей древности с семасиологической и сравнительно-исторической точек зрения. Он одним из первых обратил внимание на лексикологический запас славянского Евангелия [Буслаев 1848: 5], обнаружил в нем следы язычества и разделил древнейшую историю языка на мифологический и христианский периоды [Там же: 6]. В русле наших наблюдений над «филологией духа» Ф.И. Буслаева важен факт концентрации его мысли на слове как творчестве, живописующем идею и «своей изобразительностью» превращающем «вещественное

явление» в духовное [Там же: 9]. Он воспринимал его сквозь тень преданий и чувствований, как будто слышал и видел его:

Слово, как звук, выражающий движения потрясенной души, тронутой впечатлением внешним в соприкосновении с действительностью, означает предметы по тем достоинствам, какие ярче бросаются в глаза и затрагивают (так в тексте. — О.Н.) воображение» [Там же: 10].

Слово в понимании Ф.И. Буслаева — это верование, мифология, «народное сознание природы и духа, вызывшееся в определенных образах» [Там же: 65–66]. Он боготворит народное начало в стихии мыслительной деятельности человека и не отделяет последнего от матери-природы:

Слово понимается каждым согласно с его образом мыслей, а народ, образуя язык, находится в периоде бессознательного обоготворения сил природы, следовательно <, > весь язык, прошедши этот период, удерживает в себе следы первоначального мышления. Изобразительность в наименовании духовных способностей произошла не от недостатка в словах и не от отграниченности самосознания, но от свежести воззрений на природу и от веры в тайное с нею общение человеческой души¹ [Там же: 66].

В этой бесконечно интересной книге, выходящей за пределы своего века с его мифологическими концепциями и спорами, автор дал толчок широкому научному движению изучать слово не только как исторический факт, но как явление народной мысли, стихии впечатлений и душевных отзвуков. Здесь отразилось представление ученого об экологии языка и его связи с природными началами жизни. Недаром символам *душа*, *дух* он посвятил обстоятельный разбор [Там же: 67–74].

Можно предположить, что языковое сознание Ф.И. Буслаева «идет по своим нравственным законам движения», сообразно с природным течением, в котором жизнь языка неотрывна от исторических судеб и изустных культурных традиций славянства.

Одна из основных мыслей магистерского сочинения перекликалась, как мы думаем, с глубокими личными переживаниями ученого, теснейшим образом воспринимавшего словесные механизмы народной

¹ В цитируемом фрагменте и далее авторские двоеточия заменены запятыми, точкой с запятой согласно современным правилам.

речи как социальные факты языка, историческую память, своего рода заповеди, в мифологическом облике которых можно обнаружить реальный, переосмысленный народом национальный код культуры. Его хранит, по мнению Ф.И. Буслаева, родной язык:

...пока он [народ] не утратит своего языка, до тех пор не погибнет в нем духовная жизнь его предков. Мысль, извне привитая к слову, никогда не осилит живого образа, в нем впервые воссозданного. И если народ силою своего умственного образования разовьет самостоятельно строгую мыслительность, в пределах своего собственного языка, то это возможно не иначе, как только по глубокому и искреннему сочувствию, хотя и не всегда отчетливому, с теми представлениями, какие лежат в основе самого языка. Вместе с родным языком мы нечувствительно впитываем в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях, в которых язык образовался; и как предания, донесшиеся до нас из отдаленных веков только в звуке, мифология народная долго будет жить в языке своей яркой изобразительностью и метким взглядом на природу [Буслаев 1848: 88].

В «христианском» периоде, по мнению Ф.И. Буслаева, происходило «возведение слова от наглядного представления до общего понятия» [Там же: 89]. При этом многие религиозные понятия типа «крест», «алтарь», «церковь» «ославянились, ходили в устах народа задолго до перевода Св. Писания» [Там же: 105]. Особое внимание ученый уделяет славянским терминам родства, по сути представляя идеографический анализ конца птолов, обозначающих семейные отношения: *жених, брак, понятие о победе, невеста* и др. Всю вторую часть книги пронизывает идея эволюции языковых форм и значений, в данном случае — от семейных понятий к явлениям, обозначающим гражданский быт.

Язык — текст — история — миф — христианство — народ — вот те общие культурные скрепы, которые сопровождают духовное развитие славян от древнейшей «эпической» традиции с ее природными словесными конкордансами до времени «ясного разума христианских идей [Там же: 211]. В «филологии духа» Ф.И. Буслаева эти величины постоянны как символы — носители человеческой мысли, сплетенные почти неосознанной тканью с оттенками далеких верований и языков прежних эпох, хранящих удивительные артефакты словесного менталитета народа.

В «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаев как творческая личность находится на пересечении двух способов изучения языка — филологического и лингвистического. Он немного колеблется между философскими системами В. фон Гумбольдта, Я. Гримма, Ф. Боппа и грамматическими представлениями К. Беккера, которые давали «слишком значительный перевес определениям различных логических тонкостей перед положительным изучением самого языка...» [Буслаев 1858а: XVII]. Сравнительно-исторический подход Ф.И. Буслаев признает ценным для осмысления эволюции и понимания внутреннего строения языка. Он писал:

Эта наука рассматривает слово уже не только как средство для взаимного сообщения мыслей, но и как живой памятник духовного бытия народов, и при том памятник древнейший, которого история может быть поставлена во главе истории умственного развития человечества [Там же: XVIII].

И еще один важный тезис ученого заключается в том, что историческое направление «признает и права родной, разговорной речи, и права языка литературного» [Там же: XIX].

В этой объемной работе наряду с подробными фонетическими и грамматическими правилами и изъяснением законов языка на первый план выступает «филология духа» мыслителя с ее незыблемыми для ученого константами: «Язык есть не случайное изобретение...»; «...язык... не только дар слова, но и самый народ...» [Буслаев 1858а: 1] — с одной стороны. А с другой: «Язык служит нам для взаимной передачи мыслей, т.е. представлений, понятий и суждений»; «Предметы оказывают впечатление на наши чувства»; «Все слова суть не что иное, как названия общих представлений и понятий» [Буслаев 1858б: 1, 2, 5].

История и логика, творчество и система языка, грамматика как искусство правильно говорить и писать (средневековое понимание) и как наука о языке, основанная на его законах и методах (новый тезис для первой трети XIX в.), — эти две стихии языковедения борются в сознании Ф.И. Буслаева, как филология с лингвистикой.

Наконец, кое-что следует сказать и о «стиле» его ненаучных произведений, в которых талант Буслаева-ученого вырос до тонкого, ироничного, событийного

писателя-реалиста, перед глазами которого прошли удивительные события и лица XIX в.: от случайной студенческой встречи с В.А. Жуковским до общения с графом С.Г. Строгановым, митрополитом Филаретом, университетской интеллигенцией и др. Этот четвертый аспект в анализе языковой личности Ф.И. Буслаева нельзя обойти стороной. В «Моих воспоминаниях» филологическая душа Ф.И. Буслаева расцветает живыми красками речевых портретов и такими пронзительными диалогами, как будто они происходили недавно (при этом заметим, что Ф.И. Буслаев фактически диктовал свои воспоминания уже в преклонные лета).

«Мои воспоминания» Ф.И. Буслаева эмоциональны, часто с высоким пафосом и оптимизмом и в то же время с обилием житейских зарисовок, причем без такого налета официальности и протокольности, который нередко возникает в подобных произведениях. Они пронизаны искренними чувствами, укрепляют веру, приподнимают человека над обыденным. В лингвокультурном смысле такие «тексты» хочется назвать *металитературой*, где картины научного творчества, этапы жизненного взросления и филолого-эстетические этюды срастаются воедино и превращаются в самопознание автора, свободное рефлексирующего «в себе» и «над собой». А потому ему хочется и можно доверять.

Дополняют языковой портрет Ф.И. Буслаева воспоминания его коллег и учеников. Исследователь истории Курского края, бывший студент Ф.И. Буслаева А.А. Танков подметил редкие черты ученого, не похожего на красноречивых профессоров его времени:

Там было искусство, здесь естественность, там декламация, здесь как бы простой пересказ, там отделка фразы, здесь как бы шероховатости, недомолвки, отсутствие работы над конструкцией речи. И в то же время умные задеть за живое слушателей, приковать их внимание к предмету лекции, не дать им возможности скушать и утомляться [Танков 1897: 842].

Языковая личность Ф.И. Буслаева несравненно выше, глубже и чище, чем мы показали в наших заметках, которые только набрасывают примерные очертания филологии духа этого замечательного

ученого, влюбленного в науку и видевшего в ней благодатный источник духовной крепости, нравственной силы и умственной красоты для тех, кто превратит свои занятия по языку в уроки животворящего слова.

ЛИТЕРАТУРА

Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860 г.). — М., 1904.

Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. — М., 2003. — С. 11–384.

Буслаев Ф.И. Эпическая поэзия // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Сочинение Ф. Буслаева. — СПб., 1861. — С. 1–77. — Т. 1.

Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): автореферат дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2004.

О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. — М., 1848 [Буслаев 1848].

О народной поэзии в древнерусской литературе. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Московского университета исправляющим должность экстраординарного профессора русской словесности Ф. Буслаевым. — [М.,] 12 января 1859 года [Буслаев 1859].

О преподавании отечественного языка. Сочинение Федора Буслаева. Издание второе. — М., 1867 [Буслаев 1867].

Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Часть I. Этимология. Составлено... Ф. Буслаевым. — М., 1858 [Буслаев 1858a].

Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Часть II. Синтаксис. Составлено... Ф. Буслаевым. — М., 1858 [Буслаев 1858b].

Русская поэзия XVIII века. Сочинение Ф. Буслаева. — М., 1852 [Буслаев 1852].

Танков А. Воспоминания о Ф.И. Буслаеве // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. — 1897. — Т. LXIX. — № 9 (сентябрь). — С. 837–851.

Шахматов А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21-го января 1898 года... — СПб., 1898. — С. 7–16.

REFERENCES

- Buslaev F.I. *Istoriya russkoi literatury. Leksii, chitannye ego imperatorskomu vysochestvu nasledniku tsesarevichu Nikolayu Aleksandrovichu (1859–1860 g.)*, Moskva, 1904.
- Buslaev F.I. *Moi vospominaniya*, in *Moi dosugi. Vospominaniya. Stat'i. Razmyshleniya*, comp., notes by T.F. Prokopov, Moskva, 2003, pp. 11–384.
- Buslaev F.I. *Epicheskaya poeziya*, in *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva. Sochinenie F. Buslaeva*, Sankt-Petersburg, 1861, pp. 1–77, vol. 1.
- Nikitin O.V. *Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.)*. Extended abstract of PhD's thesis, Moskva, 2004.
- O vliyani khristianstva na slavyanskii yazyk. Opyt istorii yazyka po Ostromirovu Evangeliiu, napisannyi na stepen' magistra kandidatom F. Buslaevym, Moskva, 1848 [Buslaev 1848].
- O narodnoi poezii v drevnerusskoi literature. Rech', proiznesennaya v Torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Moskovskogo universiteta ispravlyayushchim dolzhnost' ekstraordinarnogo professora russkoi slovesnosti F. Buslaevym, [Moskva,] January 12 1859 [Buslaev 1859].
- O prepodavanii otechestvennogo yazyka. Sochinenie Fedora Buslaeva. 2nd issue, Moskva, 1867 [Buslaev 1867].
- Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo yazyka. Uchebnoe posobie dlya prepodavatelei. Chast' I. Etimologiya. Sostavleno... F. Buslaevym. Moskva, 1858 [Buslaev 1858b].
- Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo yazyka. Uchebnoe posobie dlya prepodavatelei. Chast' II. Sintaksis. Sostavleno... F. Buslaevym, Moskva, 1858 [Buslaev 1858b].
- Russkaya poeziya XVIII veka. Sochinenie F. Buslaeva, Moskva, 1852 [Buslaev 1852].
- Tankov A. *Vospominaniya o F.I. Buslaeve*, in *Istoricheskii vestnik: Istoriko-literaturnyi zhurnal*, 1897, vol. LXIX, No. 9 (September), pp. 837–851.
- Shakhmatov A.A. *Buslaev kak osnovatel' istoricheskogo izucheniya russkogo yazyka*, in *Chtyrye rechi o F.I. Buslaeve, chitannye v zasedanii Otdela Komenskogo 21-go yanvarya 1898 goda...*, Sankt-Petersburg, 1898, pp. 7–16.

ХРОНИКА

«Буслаевские чтения» в Институте лингвистических исследований РАН

5 апреля 2018 г. в конференц-зале Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург) состоялось открытое расширенное совместное заседание Межкафедрального словарного кабинета имени профессора Б.А. Ларина (СПбГУ) и Словарного отдела ИЛИ РАН, посвященное 200-летию со дня рождения академика Ф.И. Буслаева, — «Буслаевские чтения».

В программу заседания были включены доклады ведущих специалистов в области изучения истории отечественного языкознания и древнерусской письменной культуры: д.ф.н. профессора О.В. Никитина (Московский государственный областной университет) «Федор Иванович Буслаев: личность и судьба ученого в филологической традиции его времени», к.ф.н. доцента Ф.Н. Двинятина (Санкт-Петербургский государственный университет) «Структура текста “Временника” Ивана Тимофеева: традиционное и индивидуальное», к.ф.н. А.С. Шекина (Санкт-Петербургский государственный университет) «Паисиевский сборник начала XV века в публикациях Ф.И. Буслаева».

Докладчики и участники Буслаевских чтений не только рассказали о малоизвестных фактах из биографии ученого, в которой до сих пор много неизвестного, но и включили его личность в контекст славяно-русской филологии XIX века, традиции которой во многом определяли труды Ф.И. Буслаева: от мифологической теории русского литературного языка до фундаментальных работ по исторической грамматике, устной народной культуре, палеографии, эстетике, теории и истории литературы и прогрессивных взглядов на преподавание отечественной словесности.

Ведущие заседание заведующая Межкафедральным словарным кабинетом имени профессора Б.А. Ларина к.ф.н. доцент Е.В. Генералова и заместитель директора ИЛИ РАН д.ф.н. М.Н. Приемышева обратили внимание присутствующих на то, что подобные чтения вносят живую интонацию в застывшие «формулы» и «парадигмы» языка лингвистики XXI в. и способствуют погружению в «интимы грамматики» (выражение XVIII в.) золотого века русской филологии.

Среди гостей и участников обсуждения были известные российские лингвисты — представители Санкт-Петербургской лингвистической школы — доктора филологических наук И.А. Малышева, Д.М. Поцепня, О.А. Черепанова, доктор философии Гётеборгского университета (Швеция) Т. Рузен, преподаватели СПбГУ С.А. Аверина, О.В. Васильева, аспиранты, студенты. Все собравшиеся на этом памятном заседании отметили, что такие мероприятия способствуют изучению и пропаганде наследия крупнейших ученых прошлого, во многом подпитывают и современные исследования, показывают научные ориентиры филологического пространства текста, учат любить и ценить родную речь, понимать извития словес книжной и простонародной культуры, чувствовать ее образы и скрытые смыслы.

Материалы научных чтений будут опубликованы в одном из лингвистических журналов.

О.В. НИКИТИН,

доктор филологических наук, профессор,

ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»